

САМОПОЗНАНИЕ

Человек одинок. Я человек. Я одинок.

Я иду по дороге. Она — по лесу, по полям. Она зимой и летом. Осенью и весной. От окурка, обжигаящего пальцы, прикуриваю ещё «Приму». Несколько минут — и та уже жжёт пальцы.

Я родился, появился на свет, в мир. Это точка отсчёта моих координат. Направо — жизнь, где я иду по дороге. Ноль — рождение. А что для меня слева от ноля, в минусе? Или в «мнимое», если хотите, где у математиков хозяйничает «i», мнимая единица?

Ни-че-го. Ничего там нет. То есть нет времени, нет пространства. Нет шести — или сколько там? — чувств. Цвета, вкуса: горького-кисло-го-сладкого; звука: тихого-громкого-мягкого-резкого. Нет запахов. Ничего ты не ощущаешь руками, даже если уже слепо-глухо-немой. Тебе не жарко и не холодно. И боли нет. И боли нет.

Нет там ни материального, ни идеального, ни абсолютного, ни относительного. Не ищи сознания, подсознания, самосознания, недосознания. Не ищи сна и яви, рационального и иррационального, истинного и ложного, макро- и микро-. Ибо нет там ни частиц-корпускул, ни волн-энергий, ни тёмной и светлой материи, скоростей света и звука, доплеровских эффектов, спиралей ДНК и постоянных Планка.

Разума нет. Нет ни-че-го.

В глубоких колеях дороги глубокие лужи — сапогом зачерпнёшь. Листья осины в них малиново-жёлтым калейдоскопом. Листья и на мокрой глине, по которой скользят сапоги с зыбкого гребня посередине в заполненные водой рытвины-колеи. И пачка «Примы» наполовину пуста. Или наполовину полная.

Так вот: бессмертие. Оно что — луч? Из точки «ноль» направо в плюс бесконечность? А где логика? Слева ничего, справа жизнь? Вечная!? Какая же она вечная, если у неё типа пол-вечности отхряпали и назвали отхряпанное «Ничего». Наполовину вечная жизнь?

Я иду по дороге. Маленьким тоже, помню, шёл. В молодости, в юности шёл. Зрелым. И сейчас иду, к старости уже. По дороге всю жизнь. Под солнышком и морозящим дождём, в зной и в холод, в ветер и в снег. Курю «Приму».

Мои дети — это не я. Родители мои были — не я. Жена — не я. Я одинок. Моё «Я», сознание, «душа» так именуемая не обретут вечной жизни в потомках, в продолжающемся роде. Меня в потомках не будет, как нет во мне моих предков. Гены, говорите? Историческая память, дневники, родословные? Да что вы! У многих в роду толстые и тонкие, славные и бесславные, праведники и злодеи. И что я — «микс» всех этих разнородных предков, во мне время от времени черты то одних, то других должны вылезать? Нет уж! Я — это я. И точка.

И точка. Да, о точке. Значит, смерть. Логика разума говорит простое: что было «до», то будет и «после». То есть после смерти опять как

бы должно быть «ничего». Иррациональность перечит: «Разум ограничен. Он не может выйти за очерченный им же самим круг. А ты отбрось это, освободи дух свой. Надо только верить!» И дальше нирваны, переселение душ, воскрешение мертвых и жизни будущего века. Каждый правее другого, у каждого истина истиннее.

А дикари едят руками и верят шаману, что если съесть кусок покойного альфа-самца, то сам альфа-самцом и станешь. А на востоке едят палочками плов и веруют, что твоя идентичность может вселиться в тушку другой живности или человечинки. А на западе кушают с вилок-ложек и убеждены, что мир управляется силой, бомбами, ракетами, деньгами и пропагандой, не забывая на мессе сунуть в рот облатку причастия, откусать Тела Христова, Того, Кто обещал Царство Небесное, если с усилием внити в него. Все правы, все правы. Аминь.

А вот и не «аминь».

Дорога всё та же, что и годы, многие годы назад. Небо то ласточкино-голубое, то журавлино-синее, то с белыми кудряшками облачков, то в грозовой свинцовости, то в занудной непреходящей серости, то в ватности снежной тишины. Разное небо. Деревья или в бриллиантовой зелени листвы, или в желто-красной тоске распада, или в голости веток, или в набухании соками и почками. Родился, жил, умер. Воскрес. Да ты ли это?

Не аминь. Апостол Павел пророчил, что не все умрут, но все изменятся, мертвые воскреснут нетленными и измененными. Но что сие изменение означает? Что должно произойти со мной, когда мои «кожаные» одежды трансформируются в «белые»? Тот ли я буду, кем я есть сейчас, не подмена ли это понятий? Клон и андроид — не те ли это «воскресшие» я, коих мне впаривают в качестве бессмертия конструкторы райского будущего?

А какую синкретическую религию надо сгородить, чтобы всех верующих в загробность личного существования со всех концов света, всех наций, традиций и ориентаций по полной удовлетворить в бессмертии? Будем их стричь под единую гребенку, или одним — дадим стать собакой или баобабом, других — с десятками дев посадим навечно за небесными столами с яствами, третьих — воскресим на Страшном Суде для грядущей бесконечной альтернативы: в рай или в ад? Все правы?

Лёд на лужах пророс по воле неведомого Творца елкоподобными ледяными веточками, умопомрачительными в своей красоте узорами. Трещат на морозе сучки, каркает ворона сопровождения. Скрипит колкий снежок под валенками, глаза ломит от отраженных девственной белизной солнечных полуденных лучей. Сигарета дымит пуце паровоза, морозный пар изо рта, я иду по дороге.

Моё желание бессмертия слишком человеческое. Ни одна скотина в мире, ни одна травка не озабочены таковым. Человек одинок в животном мире. Не из этого ли он всё время грезит найти во вселенной себе подобных, разумных, пусть и внеземных? С ними мы поговорили бы о бессмертии.

— И что ты раскаркалась? С чем-то не согласна? Аргументируй...

...Летняя грозная тучка похожа на НЛО. Кузнечики трескотней дежурного почётного оркестра встречают пришельцев. Молнии сопровождают их явление народу, нашему земному народу. Счас мы всё и узнаем о бессмертии! Капли — по лбу — крупнее и крупнее: бац, буц, бац. Обознатушки, просто дождь.

Я иду по дороге.

* * *

— Люсь, ты мне в тетрадочку запиши... Давай две упаковки «Примы», поллитру беленькой, ну и сырок плавленый. Я тебе с полочки следующей занесу, как приду вдругорядь...

— Люськ, слышь? Наш-то хвилозов опять за магазином на травке пристроился, сапоги пораскидал. Сейчас стакан на грудь примет и на почту побежит, Катерина в три-то закрывается. Ему опять журналы пришли,

«Вопросы философии», он на них всю прошлую зарплату на подписку ухлопал. Как Нинка его терпит? Да и то, на ферме после дойки, сказывают, он аппараты все намочет, начинит, а домой-то не идёт, среди коров там со своей философией допоздна и кувыркается. Всё после смерти жить исхитриться как-то собирается, забери его леший!

ВРЕМЯ — ПОЕЗД

Время — поезд. Твоё время — твои поезда. Они в Москву или из Москвы. Вариант второй: в Питер — из. Остальные варианты больше закатываются, как мячики под диван, в отрочество-молодость.

Было время — считали дырочки в потолочной панели, не раздеваясь, на третей полке и без белья. Пока через Урал с Красноярска до Кирова и на каждой станции... Лучший друг — теперь враг. Или сидели на подножке, болтая ножками, болтая на перегоне с милостивыми проводницами, а в отсеках, проходах лежало, храпело, перекатывалось всё, чему хватило места внутри. Стоп-граница! В Псково-Печеры — туда, пешочком.

Потом инженерским рангом уже, следом за «мэнээс-ом», тот — за ведущим инженером, у которого командировочные на столичную конференцию. Ведущий с рюкзаком, мнс — с большой хозяйственной сумкой, мы же — с холщовой через плечо. Обрато с колбасой. Туда — с ватманским плакатиком на доклад. Швырк рулончик сразу в купе в нишу наверху... а поутру достаёшь из тошнотворной рыбно-мясной лужи: хорошо пропитался, воняет! В урне на перроне исчезает плод предыдущей бессонной ночи. Товарищи, смотрите, чтобы мясо не потекло!

В другое время — купе на двоих, сумка с миллионами или под подушкой зелёные пачки, стянутые резинками, рядом газовый пистолет. Спичечный коробок — в дырку поднятого ограничителя движения двери, вешалка-плечики — на её ручку, другим концом зацепить за поручень на стенке. Или ремнём из штанов. В туалет уже не сходить. Зато, авось, пронесёт, пусть соседние купе плачут и вызывают катафалк.

Ещё — время-ресторан. С последнего вагона до восьмого, первый идущий открывает двери, замыкающий закрывает. Проводницы, запомните наши лица. Обрато теперь только после полпути, как после пол-жизни. Менеджер по сбыту хохломской фабрики, везёт её расписной рукотворный проект в чемодане из российской глубинки: да прямо в столицу, да на Арбат. Директор ковровского пулеметного завода на верняка упаковал в сумке разобранный пулемет последней марки, каждая деталька в промасленной бумажечке, в целлофановом пакетике. Москве тоже может пригодиться. Что там у девушки на бейджике написано? Анечка! Какая у вас водочка? Да, в графинчик. Сначала сразу рюмочки и селедочку, и хлебушка, пожалуйста. Давайте к нашему столику.

Ресторан закрыт уже полчаса назад. Полицейский наряд сидит за соседним столиком, ожидая развязки, ожидая расплаты. Анечка давно рассказала и про мужей, и про детей, и про внуков, сейчас запоёт «Ой, цветёт калина...»

Не перепутать направление. Вы не знаете, из какого мы вагона? Сколько тамбуров! Сколько перекуров! В России зима или лето? Не понять по мелькающим фонарям в черном стекле. Ага, вот знакомый туалет...

Время-беспредел. Какая встреча! Убери пустые под столик, а то некуда ставить. Мы что, одни в вагоне? Опять сортир заперт. Почему так давно стоим? Гражданин, вы что тут творите? Зачем вы ... в тамбуре?! Пройдемте... Ты кто такой? Стюарт? Милиционер, г-ришь? Иди галстук надень, а то он у тебя из кармана торчит, потом постучи, спроси: «Можно войти?» и по форме доложи... Сейчас высадим. Опять Ковров? Наш нижегородский милицейский наряд против двоих ковровских при исполнении. Отстояли. Да вон пива, смотри, сколько выпили... Своих не сдаем. Они тут всегда охотятся. Ладно, наливай.

Так ты ли это, кто расплющил лицо об оконное стекло, пытаясь проникнуть сквозь несущуюся мимо черную пустоту; кто забыл о мальчишке в деревянном домике-сарайчике в Скачках под Ленинградом, прислушивающимся к свисткам несущихся по насыпи наверху ночных поездов? Ты ли сидишь в московском вокзальном зале под люстрой Венички, собирающегося в Петушки, всё ожидая, когда ж она... Где ты: в поезде ли, снаружи? Есенинским жеребенком будешь состязаться со стальной конницей, ужасаться, как вот он с железным брюхом тянет к глоткам равнин пятерню? По-рубцовски ли запрыгнешь на подножку на полустанке, заглушая свою фобию и предчувствие крушения простой мыслью: как можно, если столько в поезде народа?

А может ты, буднично почистив зубы, сядешь в «Сапсан», съешь круассан. Три часа, дела пик-пок, вечером обратно. А то и секретарше: «Никакого поезда, только самолётом, машину к аэропорту». Но нет, извини! Тебе — поезд, тебе-то, из прошлого, как раз — поезд!

Время — поезд, твой поезд.

ОБ ОТНОШЕНИЯХ С ВОДОЙ

ВОДА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ

Человек-то я, по судьбе, сухопутный. Реки, моря, океаны — это всё, конечно, есть, рядом, даже доступно при желании, но в моей личной жизни, в повседневной действительности суша превалирует. Давно когда-то Хиль пел: «Вода, вода, кругом вода...» Это не про меня, нет у меня кругом воды. Иногда я в желании избавиться от суетности дней размечтаюсь о какой-нибудь жизни на краешке земли на маяке: вот граница воды и суши, людей мало, заботы только узкопрофессиональные (и творческие, конечно!), а тебя как бы сузили, ополовинили. Раньше ты мог двигаться при желании на все четыре стороны, а прибрежная кромка вдвое тебя усмирила. Садись, мечтай, фантазируй, созерцай недоступную тебе часть...

Могло бы быть и иначе. В моей родне есть люди моря. Моряки дядья, двоюродный брат. Дед по матери, например, выбрал судьбу подводника, войну прошёл в боевых походах на Северном флоте, уцелел один из немногих. Что для него была вода? Студёная апокалиптическая стихия, которая могла, как смерть, ворваться через перегородки сквозя трещины от глубинных бомб? Или стальная, поблескивающая в сполохах полярного сияния поверхность, когда лодка в штиль на дизелях в надводном положении идёт на позицию? А может, это окатывающие тебя с головы до ног удары волн и ливней в бурю, рули заклинило, аккумуляторные банки сели, топлива нет, твою скорлупку несёт на прибрежные скалы?

Как я в детстве любил парусные корабли, все эти фрегаты каравеллы, барки и бригантины! Увы, увы! Мои встречи с большой водой в жизни были большей частью он-лайн. Моря, океаны открывались мне лишь со слов и глазами сначала выдуманных детей капитана Гранта и всяких Бладов и Гаттерасов, позже из реальных дневников затёртого во льдах на «Фраме» Фригьофа Нансена, штурмана Альбанова, материалов экспедиции Седова на «Св. Фоке» и прочая, прочая. А я лежал или в кресле, или на диване у себя дома.

«Живая» вода, конечно, текла и рядом со мной. Хотя бы эта, которая «издалека-долго». Родившийся, живший и живущий в Горьком-Нижнем Новгороде, я не мог не чувствовать влияния на меня великой русской реки. Таких видов как с Волжского откоса в России по пальцам пересчитать, ну, в Новосибирске, говорят, где ещё?

Всё так, всё так. Если бы не сны...

За всех не говорю, но я-то точно вышел когда-то из воды. Не я лично, конечно, но предки мои по дарвинской эволюции. Вот так: водные-земноводные-сухопутные. И вместо рудиментарных жабр осталась генная память снов.

Николай Гумилёв в стихотворении о «шестом чувстве» описывал томление духа и изнеможение плоти в предчувствии познания запретельного. Сравнивал это с состоянием «скользкой твари», почувствовавшей за спиной ещё не появившиеся крылья. Это движение вверх, от земли, это она, та самая «эволюция». Но ведь не дал Бог человеку крыльев, слишком сложно, видимо, для Него было такие тяжёлые мозги поднять в воздух. А вот обратно, в воду — пожалуйста...

В сновидениях я плаваю не в глубинах волн аки рыба, а по поверхности. Не кролем, не брассом и тем более не баттерфляем, а каким-то естественным образом, без усилий, как предмет с плотностью меньше плотности жидкости. В воде мне тогда не жарко и не холодно, как, наверное, хладнокровным. Моя вода — совершенно не абстрактная, это чаще маленькие реки нашей средней русской полосы, иногда озёра, заводи, заливы с обильной водяной растительностью, топляком. На речках меня всегда несёт течение, и главное в плавании — не налететь, не напороться на остро торчащую палку, не ободраться об коряги, не зашибиться о топяки брёвен или остатки деревянных свай, спрятавшихся под взволнованной поверхностью. Плыть интересно из-за узнаваемости где-то уже виденного пейзажа (ведь сны чаще всего — это доведённые до абсурда дежавю), поворотов речки, прибрежных ландшафтов. Тебе искренне интересны камыши, осока, кувшинки и лилии, ты цепляешь руками и ногами тёмно-зелёную тину, сопровождающие тебя ветки, палки и другой естественный плывущий мусор. Вот за очередным поворотом на берегу ожидаемо начинаются какие-то деревенские избы, они почему-то лезут прямо в речку, что в твоей Венеции, хотя и не бани вроде бы. Можно вылезти на полуза-топленное крыльцо, пробраться в комнаты, где с метр воды.

Но это мир без людей, и я это точно знаю. Мир неодушевлённой воды и причитающихся её таких же неодушевлённых предметов. Он спокоен и практически бестревожен. В нём нет моих житейских забот, переживаний, в нём я не социален и даже не индивидуален, а сам как бы неодушевлён.

Пробуждаясь, ты ещё какое-то время ощущаешь эту глубочайшую инаковость этого снобытия, поражаясь, что это могло быть частью тебя. Частью, которая, похоже, выходит за рамки того, что лежит в ределах земной человеческой жизни от момента рождения до смертельной точки.